

Культурно-бытовые очерки по міровой исторіи

подъ ред. В. К. Никольскаго и прив.-доц. А. А. Сидорова.

Серія Б. Всеобщая Исторія.

№ 2.

И. Н. БОРОЗДИНЪ.

АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА НА ЮГЪ РОССИИ.

1918.

Кн-ство „ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗНАНІЯ“

Москва, Сивцевъ-Вражекъ.

МОСКВА.

Гипографія Г. Ламбертъ, Яузскій мостъ, Серебряничская наб., 23а.

1918 г.

*Свѣтлой памяти матери
посвящается.*

Предисловіе.

Въ основу настоящей книжки легла читанная авторомъ въ 1914 году и тогда же напечатанная публичная лекція на тему „Памятники античной культуры на югѣ Россіи.“ Появленіе цѣлаго ряда научныхъ работъ за послѣднее время, опубликованіе новыхъ матеріаловъ заставили пересмотрѣть написанное, подвергнуть существенной въ нѣкоторыхъ частяхъ переработкѣ и снабдить значительными дополненіями. Въ такомъ видѣ книжка, отнюдь не претендующая на какую-либо исчерпывающую полноту, должна представить общій очеркъ судебъ античной культуры на югѣ Россіи и явиться введеніемъ къ дальнѣйшему, болѣе детальному ознакомленію съ предметомъ. Основывая свою работу на первоисточникахъ, авторъ долженъ былъ, по условіямъ мѣста, ограничиться цитированьемъ лишь немногихъ выдержекъ изъ древнихъ писателей и надписей, отсылая интересующихся къ составленному имъ совместно съ проф. Б. А. Тураевымъ и Б. В. Фармаковскимъ изборнику источниковъ: „Древній міръ на югѣ Россіи.“

7 декабря 1917 г.

I

Введеніе. Археологическія открытія на югѣ Россіи и ихъ культурно-историческое значеніе.

Изученіе античной культуры во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ не можетъ быть ограничено памятниками, найденными въ предѣлахъ Греціи и Италіи. Для лучшаго ея усвоенія необходимо ознакомленіе съ древностями тѣхъ европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ, гдѣ античная культура была распространена. Только тогда можно установить степени ея развитія и вліянія, подчиненіе ея туземныхъ культуръ, а также и воспріятіе ихъ. Весьма интереснымъ и глубоко поучительнымъ станетъ вопросъ о пережиткахъ античности въ послѣдующихъ эпохахъ. Въ настоящее время изученіе исторіи античнаго міра въ значительной мѣрѣ переносится съ центровъ къ периферіямъ, отъ столицъ къ провинціямъ, отъ метрополій къ колоніямъ. И при этомъ изученіи памятники вещественные являются первоклассными источниками. Ревниво оберегавшая свои сокровища земля разступается передъ пытливой рабстой археолога и изъ древнихъ, полуистлѣвшихъ жилищъ и могилъ встають старинныя тѣни и выдаютъ свои тайны, завѣтныя думы, свои исторіи величія и паденія...

Россія, таящая въ своихъ нѣдрахъ огромныя богатства, далекой старины, обладаетъ немалымъ количествомъ памятниковъ античной культуры. Греко-римскія колоніи сѣвернаго побережья Чернаго моря дали и даютъ обильный вещественный матеріалъ, представляющій большую культурно-историческую и художественно-археологическую цѣнность. Интересъ и вниманіе эти памятники стали вызывать издавна, со времени присоединенія Крыма къ Россіи. Но въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка ознакомленіе съ эти-

ми памятниками носило, въ большинствѣ, характеръ случайный и любительскій. Лишь съ основаніемъ ученыхъ обществъ и учреждений, съ появленіемъ цѣлаго ряда ученыхъ изслѣдователей-археологовъ изученіе древностей нашего юга приняло систематическій и планомѣрный характеръ. Къ 50-мъ годамъ истекшаго столѣтія относится появленіе такого капитальнаго труда, какъ «Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря» основателя Московскаго Археологическаго Общества графа А. С. Уварова. Съ этого времени и по наши дни идетъ плодотворная работа въ области изученія южно-русскихъ древностей, работа, далеко еще не исчерпанная, а, наоборотъ, дающая все новый и новый драгоценный матеріалъ.

Раскопки Ольвіи, Херсонеса, Пантикапея (Керчи), Танаисовъ, цѣлаго ряда скифо-сарматскихъ кургановъ уже обогатили наши музеи такими богатѣйшими коллекціями, какимъ могутъ позавидовать лучшіе заграничные музеи. Но далеко еще не все дано, не все еще открыто; каждая новая раскопка неизбѣжно влечетъ къ раскопкамъ дальнѣйшимъ. На ряду съ работой практической, систематикой раскопокъ, идетъ и работа изслѣдовательская, тщательный анализъ и изученіе добытыхъ научныхъ богатствъ. Эта важная и отвѣтственная работа съ честью выполняется русскими учеными, къ авторитетнымъ выводамъ которыхъ, нерѣдко представляющимъ широкій обще-историческій интересъ, внимательно прислушиваются западные ученые. Результаты работъ нашихъ изслѣдователей начинаютъ входить въ общую исторію античной культуры, которую уже нельзя теперь строить безъ русскаго археологическаго матеріала. Въ области изученія южно-русскихъ древностей приняли участіе такіе выдающіеся наши археологи, какъ графъ и графиня Уваровы, академикъ В. В. Латышевъ, составившій капитальный сводъ древнихъ надписей, академикъ М. И. Ростовцевъ, своими тонкими и глубокими работами проливающимъ новый свѣтъ на основные вопросы древнѣйшаго прошлаго нашего юга, проф. Б. В. Фармаковскій, съ блестящимъ успѣхомъ воскрешающій своими образцовыми въ методологическомъ отношеніи раскопками древнюю Ольвію—наши «Помпеи», проф. С. А.

Жебелевъ, проф. Б. А. Тураевъ, проф. Н. И. Веселовскій,
акад. А. С. Лапко-Данилевскій, проф. В. К. Мальмбергъ, гр.
А. А. Бобринскій, А. В. Орѣшниковъ, А. Л. Бертье-Дела-
гардъ.

II.

Трипольская культура. Раскопки В. В. Хвойки и других археологовъ. Площадки и землянки. Отличительныя особенности культуры. Вопросъ объ ея носителяхъ и происхожденіи.

Едва ли будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что по памятникамъ, найденнымъ въ предѣлахъ Россіи, можно прослѣдить основныя моменты развитія античной культуры отъ самыхъ ея зачатковъ и кончая паденіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на русской почвѣ обнаружены не только памятники классическихъ эпохъ греческой и римской культуры, но и найдены остатки культуры до-Микенской (или, вѣрнѣе, до-Эгейской). Эти археологическія открытія представляютъ интересъ, можно смѣло сказать, всемірно-историческій.

Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что величайшимъ завоеваніемъ археологической науки конца XIX в. и начала XX в. было открытіе критско-эгейской и микенской культуръ *). Счастливно начатыя энтузіастомъ Шлиманомъ раскопки велись затѣмъ съ исключительнымъ успѣхомъ Дерпфельдомъ, Эвансомъ, итальянской археологической миссіей и др., какъ на почвѣ самой Эллады, такъ и на островахъ (особенно на Критѣ). Уже Шлиманъ своими раскопками на мѣстѣ древней Трои, а, главное, открытіями «богатыхъ золотомъ» Микенъ и Тиринскаго акрополя способствовалъ полной переоцѣнкѣ греческой исторіи, освѣтилъ цѣлый періодъ исторической жизни, долготѣ скрывавшійся въ дымкѣ вѣковыхъ тумановъ и только смутно воспоминавшійся въ полуполендарныхъ сказаніяхъ и мифахъ. Еще дальше продвинулись раскопки—и изумленному взору человѣка высокой культуры XX вѣка предстала богатая и пышно-развитая культура критскихъ царей, могучихъ владыкъ Эгейскаго

*) См. брошюру А. А. Захарова. Эгейскій міръ.

моря. Раскопки знаменитаго англійскаго археолога Эванса въ Кносѣ (древней столицѣ Крита) и итальянскихъ ученыхъ въ Фестѣ и Гагіа-Триада, веденныя систематически и планомѣрно, дали колоссальныя результаты. Величественныя монументальныя зданія, дворцы съ роскошными тронными залами и колоннадами, грозныя крѣпостныя сооруженія, древнѣйшій въ мірѣ придворный театръ, цѣлая сѣть подземныхъ кладовыхъ и погребовъ («лабиринтъ Миноса») — все это указываетъ на жизнь высоко-развитую. Найдены и памятники изобразительнаго искусства — рисунки, фрески, цѣлыя картины разнобразнаго содержанія, золотыя и бронзовыя украшения, оружіе, блестяще развитая керамика (гончарныя издѣлія). Открыта и обширная письменность, до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, не разобранныя.

Расцвѣтъ критско-эгейской культуры относится къ бронзовому вѣку; въ бронзовый вѣкъ славятся и Микены — прославленная золотомъ столица «вѣчно жаждущей» Арголіды. Но за самое послѣднее время стали очищаться и древнѣйшіе пласты, относящіеся къ неолитическому (ново-каменному) вѣку. Здѣсь находятся болѣе грубо-сдѣланные предметы и сооруженія — блѣдныя прообразы того, что получило въ послѣдствіи такое пышное развитіе. Неолитическіе слои обнаружены на Критѣ и дали любопытные образцы вазовой керамики. Древнѣйшія поселенія каменнаго вѣка найдены въ сѣверной Греціи — въ Фессаліи. Любопытно отмѣтить, что добытая здѣсь при раскопкахъ фессалійская керамика является сходной съ находками, сдѣланными во Фракіи, Сербіи, Босніи, Южной Россіи, Венгріи, Богеміи, Македоніи, Румыніи, Італіи и Іспаніи.

Такимъ образомъ, опредѣлилась сѣверная культурная область, стоящая въ связи съ ново-каменными находками на Критѣ. Чѣмъ же объясняется сходство археологическихъ памятниковъ странъ, прилегающихъ такъ или иначе къ Средиземному морю, кто были носители этой общей культуры, гдѣ ихъ прародина и каковы пути ихъ передвиженій? Эти вопросы стали въ первую очередь, все время освѣщаемыя новыми и новыми открытіями. Въ разработкѣ этихъ основныхъ вопросовъ древнѣйшаго прошлаго европейской цивилизаціи вид-

ное мѣсто принадлежитъ русскимъ археологамъ. Когда въ концѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія нынѣ покойный кievскій археологъ В. В. Хвойка напалъ на слѣды загадочной культуры;

Въ различныхъ частяхъ Киевской губ. (Кіевскомъ, Васильковскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Звенигородскомъ и Липовецкомъ уѣздахъ), въ губерніяхъ Черниговской, Херсонской, Подольской и Бессарабской обнаружены слѣды этой культуры. Характеризуютъ эту культуру многочисленныя погребенія и жилища. Погребенія мы находимъ на особыхъ площадкахъ, устроенныхъ изъ обожженной глины или обмазанныхъ глиной. Площадки эти были рой Трипольской (м. Триполье, Киевской губ.),—положено было начало цѣнной и плодотворной работѣ.

которую онъ по мѣсту первыхъ находокъ назвалъ культу-

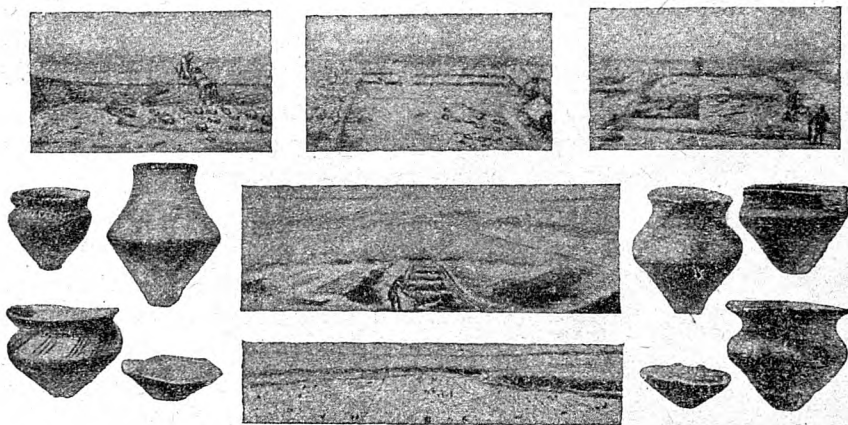

Рис. 1. Площадки и найденные въ нихъ сосуды (изъ раскопокъ В. В. Хвойки)

крытыя; до сихъ поръ на комьяхъ глины видны слѣды бревенъ. По снятіи комьевъ глины обнаруживаются черепки большихъ сосудовъ-чашекъ, мисокъ, вазъ различныхъ видовъ и формъ; на ряду съ большими сосудами-урнами встрѣчаются сосуды грушевидные, широкогорлые, биноклеобразные и т. д. Кромѣ того, въ погребеніяхъ находятся глиняныя и костяныя издѣлія, метательные камни, каменные топоры, молоты, ножи, пилы, кѣсти, зубы и рога животныхъ. Въ погребеніяхъ на ряду съ преобладающимъ трупсожженіемъ

встрѣчается и труположеніе (полуобожженные скелеты). Площадки, можно думать, служили и для различныхъ обрядовъ и для жертвоприношеній.

Въ Кіевской губ. обнаружены наиболѣе богатые остатки интересующей насъ культуры. Здѣсь на ряду съ площадками обнаружены и землянки-жилища. Землянки имѣютъ отъ 4 до 6 метровъ длины и отъ 3 до 6 метровъ ширины, представляя форму четырехугольника; посрединѣ четырехугольника находилась овальная или четырехугольная же яма, выходъ изъ которой имѣлъ видъ ската или лѣсенки. Противъ выхода внутри землянки расположенъ былъ каменный очагъ (или сводчатая печь), частью выходящій въ яму, частью врѣзывающійся въ стѣну; по верхнему краю землянки вбивались колья (рѣже столбы), поддерживавшіе крышу, которая обмазывалась глиной или засыпалась землей. Въ землянкахъ найдены многочисленные предметы—уголь, пищевые отбросы, черепки, кремневые, роговые и костяные вещи.

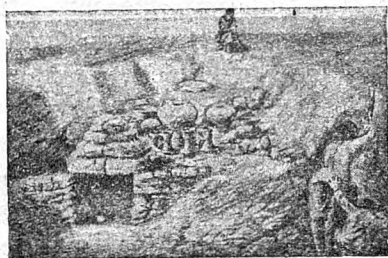

Рис. 2. Землянка.

Найденные при раскопкахъ предметы В. В. Хвойка дѣлитъ на два типа, на двѣ культуры, называемыя имъ *культура А* и *культура В*. Культура А отличается богатыми керамическими издѣліями, находимыми въ большомъ количествѣ. Для этой культуры характерны: 1) сосуды съ выпуклымъ изображеніемъ человѣческаго лица, 2) двойные биноклеобразные сосуды, 3) сосуды грушевидной, колоколообразной, плеткообразной формы, 4) полушаровидныя миски на трехъ ножкахъ, 5) крестобразныя статуэтки человѣка, 6) просверленные каменные, роговые и костяные топорики. Среди остатковъ этой культуры встрѣчаются и издѣлія изъ

чистой мѣди. Культура *B* отличается болѣе простымъ и менѣе пропорціональнымъ орнаментомъ; сосуды имѣютъ видъ двухъ усѣченныхъ конусовъ, черепахъ, леекъ, боченка. Найдены статуэтки женщинъ въ стоячемъ и сидячемъ положеніи, кремневые серпы и глиняныя грузила. Мѣдь и просверленные орудія въ культурѣ *B* отсутствуютъ.

Особенно интересной и характерной для Трипольской культуры является керамика, развитіе которой бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на исторію всей этой культуры. Наиболѣе опредѣленную классификацію найденныхъ керамическихъ издѣлій даетъ проф. фонъ-Штернъ въ своей работѣ «Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи». Онъ дѣлитъ сосуды на три большія группы: 1) сосуды безъ всякаго украшенія, однотонные, удержавшіе цвѣтъ глины, 2) сосуды съ рѣзной техникой и вдавленнымъ орнаментомъ, 3) сосуды украшенные на полированномъ фонѣ глины или облицовкѣ декоративной росписью. Сосуды послѣдняго типа, составляющіе меньшинство въ киевскихъ раскопкахъ, особенно богато представлены въ Бессарабіи (находки въ Петренахъ), что и заставляетъ проф. фонъ-Штерна высказать предположеніе, что центръ новой керамической промышленности находился въ Бессарабіи. Здѣсь замѣтны техническія усовершенствованія въ обжиганіи и изготовленіи глины; но гончарный кругъ еще неизвѣстенъ, работа производится отъ руки или при помощи деревянныхъ палочекъ и дощечекъ. Украшающіе сосуды орнаменты свидѣтельствуютъ о долгой практикѣ въ искусствѣ, равно какъ и о художественномъ вкусѣ, поразительно зрѣломъ для ново-каменнаго вѣка. Петренскія находки даютъ обильный матеріалъ для отвѣта на вопросъ о происхожденіи и развитіи спиральнаго орнамента и существенно измѣняютъ укоренившееся мнѣніе, будто бы отдѣлка сосудовъ каменнаго вѣка въ Европѣ вращалась исключительно въ геометрическихъ формахъ и тѣмъ рѣзко разнилась отъ месопотамской культуры, гдѣ мотивы декораціи заимствовались изъ органическаго міра. При безусловномъ преобладаніи геометрической отдѣлки мы находимъ въ нашихъ сосудахъ и изображенія органическаго міра, включая даже человѣка. Не мало найдено изображеній животныхъ,

что помимо художественного интереса является важным показателем известной ступени хозяйственного развития носителей интересующей нас культуры. Изображены лошади, собаки, козы и быки; послѣдніе являются не только въ росписи, но и въ первобытной глиняной пластикѣ. Изъ найденныхъ терракотовыхъ фигурокъ однѣ даютъ изображенія идоловъ, другія—быковъ; фигуры быковъ (быкъ въ эпоху ново-каменнаго вѣка игралъ, повидимому, известную роль въ религіозныхъ представленіяхъ), особенно частыя, невольно вызываютъ сближеніе съ находками въ Микенахъ (голова коровы), Вафіо (быки на золотыхъ кубкахъ), Гурни*)

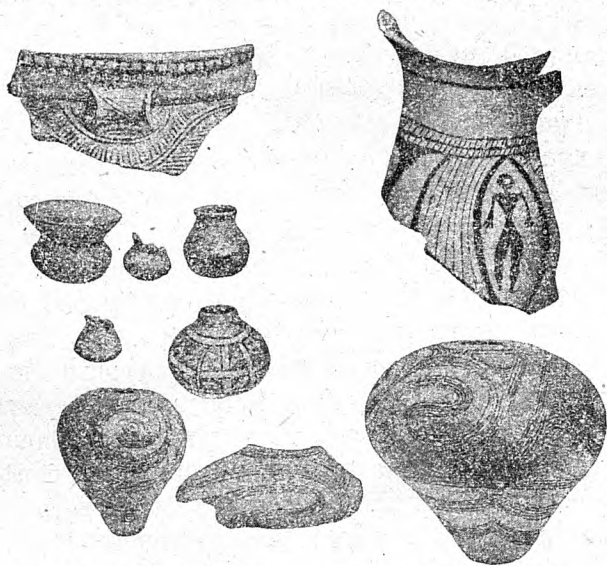

Рис. 3. Сосуды изъ раскопокъ В. В. Хвойки.

(изображенія на каменномъ рогѣ для питья). Таковы предметы, знакомящіе насъ съ художественнымъ развитіемъ человѣка временъ этой культуры; но на основаніи раскопокъ возможно до известной степени возстановить и его матеріальный бытъ. Предметы, найденные въ жилищахъ-землянкахъ, показываютъ, что человѣкъ уже приручилъ домашнихъ животныхъ (козъ, свиней, воловъ), что онъ уже перешелъ къ осѣд-

*) См. „Карту Эгейскаго міра“, приложенную къ книжкѣ А. А. Захарова.

лой, земледѣльческой культурѣ. На послѣднее особенно указываютъ раскопки Хвойки, который вмѣстѣ съ сѣменами пшеницы и проса нашелъ также примитивныя ручныя мельницы-зернотерки.

До сихъ поръ не рѣшены еще окончательно вопросы о носителяхъ этой культуры и о путяхъ ея распространенія. Сначала выставлена была гипотеза о микенскомъ вліяніи, о микенскихъ ремесленникахъ, занесшихъ свои издѣлія на сѣверъ, наконецъ, о цѣломъ движеніи съ юга на сѣверъ. Но для непосредственныхъ изслѣдователей новооткрытой культуры было ясно, что ни о какомъ вліяніи Микенъ не можетъ быть и рѣчи, что это культура болѣе древняя. Въ противоположность первой точкѣ зрѣнія была выставлена берлинскимъ археологомъ Губертомъ Шмидтомъ и, особенно, проф. фонъ-Штерномъ гипотеза о сѣверномъ происхожденіи критско-микенской культуры и объ ея движеніи на югъ. Новокаменный вѣкъ засвидѣтельствованъ этой культурой на сѣверѣ; къ концу его она спускается на югъ, за Балканы, и въ бронзовомъ вѣкѣ даетъ пышныя разновидности культуръ критской и микенской. Гипотеза весьма интересна, остроумна и заманчива, но все же пока не можетъ быть безусловно принята. Сузанскія раскопки французской экспедиціи де-Моргана указали на сходную съ Трипольской керамику въ передней Азіи, а еще дальше, въ средней Азіи, близъ Мерва и Асхабада найдены аналогичные предметы болѣе грубой и примитивной формы. Загадочныя письмена на одномъ изъ придиѣпровскихъ сосудовъ (изъ раскопокъ В. В. Хвойки) по своимъ начертаніямъ представляютъ болѣе всего сходства съ средне-азіатскими надписями, изданными академикомъ Радловымъ. Такимъ образомъ, съ Востокомъ приходится существенно считаться.

Все это, однако, вопросы и гипотезы, довольно еще далекіе отъ рѣшенія при наличности имѣющагося матеріала. Тѣмъ болѣе интересной и привлекательной представляется дальнѣйшая работа въ области изученія великой и пока загадочной культуры, охватывавшей огромную территорію отъ Крита до Кіева и отъ береговъ Малой Азіи до Испаніи.

Богатѣйшая коллекція памятниковъ Трипольской куль-

туры имѣется въ Кіевскомъ музеѣ; здѣсь въ систематическомъ порядкѣ разставлены предметы многочисленныхъ раскопокъ В. В. Хвойки, знакомящіе со всѣми отличительными особенностями и разновидностями этой культуры. Собраніе Трипольскихъ древностей Кіевского музея можетъ, по справедливости, считаться значительно превосходящимъ соотвѣтствующія западно-европейскія коллекціи, изъ которыхъ лучшими являются коллекціи изъ раскопокъ въ Румыніи экспедиціи Губерта Шмидта въ Берлинскомъ музеѣ Народовѣдѣнія (Museum für Völkerkunde) и коллекціи Вѣнскаго Придворнаго Музея (Hofmuseum). Небольшая, но любопытная коллекція памятниковъ интересующей насъ культуры имѣется въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

III.

Греческая колонизация Черноморья. Главныя колоніи и ихъ историческія судьбы.

Переходя теперь къ классическому періоду исторіи античной культуры, мы должны остановиться на результатахъ черноморскихъ раскопокъ, раскрывающихъ широкую картину жизни греческихъ колоній на югѣ Россіи. И здѣсь раскопки на почвѣ Россіи представляютъ интересъ общеоисторическій.

Въ настоящее время большое значеніе при изученіи греко-римскаго міра представляетъ исторія колоній, часто кормившихъ свои метрополіи. Хозяйственную исторію афинской республики необходимо основывать на черноморскомъ матеріалѣ, такъ какъ источникомъ питанія великаго города Эллады былъ понтійскій хлѣбъ (Аттика получала съ Босфора половину нужнаго ей хлѣба, что составляло 400 тысячъ медимновъ). Но и до выступленія Аттики на Черноморскомъ побережьи выводились колоніи другими греческими государствами-городами. Можно сказать, что какъ только начался ростъ греческихъ городовъ и опредѣлились колонизаціонные процессы, нашъ Черноморскій югъ вошелъ въ исторію Эллады. Греческая колонизация находилась подъ вліяніемъ торговли, развившейся на берегахъ Чернаго моря и бывшей всею древняго происхожденія.

Первыя и главнѣйшія колоніи на сѣверномъ побережьи Чернаго моря были выведены знаменитымъ Милетомъ. Первоначально милетяне основывали для своихъ торговыхъ операцій факторіи, которыя затѣмъ и превращались въ колоніи. Къ числу наиболѣе значительныхъ милетскихъ колоній принадлежали Тира, Березань, Ольвія, Феодосія и Пантикапей (теперешняя Керчь). Кромѣ того, былъ еще рядъ болѣе мелкихъ колоній, основанныхъ какъ самимъ Милетомъ, такъ и его поселенцами въ другихъ факторіяхъ и колоніяхъ. Кро-

мѣ Милета были и другіе основатели колоній. Такъ, напр., въ VI вѣкѣ, со времени тиранин Писистрата, вырастаетъ значеніе Аонія, явившихся сильнымъ конкурентомъ Милета. Въ V и IV вѣкахъ аттическое вліяніе является господствующимъ на нашемъ Черноморскомъ югѣ; рядъ находимыхъ при раскопкахъ предметовъ наглядно свидѣтельствуєтъ объ этомъ. Іонійскій элементъ главенствуетъ во всѣхъ колоніяхъ, за исключеніемъ дорійскаго Херсонеса. Съ упадкомъ Аонія въ III—II вѣкахъ аттическое вліяніе замѣняется эллинистическимъ, которое, въ свою очередь, уступаетъ мѣсто римскому (съ конца II вѣка до Р. Хр.). Римское вліяніе, нерѣдко прерываемое сильными варварскими элементами, продолжается вплоть до паденія великой міровой римской державы.

Карта Черноморскаго побережья по Птолемею

Рис. 4. Карта Черноморскаго побережья.

Новой страницей въ исторіи черноморскихъ колоній является эпоха господства византійской имперіи.

Въ рядѣ греко-римскихъ колоній особенный интересъ представляютъ Ольвія, Херсонесъ Таврическій и Пантикапей. Ознакомленіе съ ними, на основаніи имѣющагося матеріала, даетъ возможность возстановить типическія черты жизни и быта культурныхъ очаговъ античности на югѣ Россіи. Если Ольвія и Херсонесъ являютъ образцы государствъ-городовъ типа греческихъ демократій, то Пантикапей былъ столицей своеобразнаго полу-греческаго, полу-варварскаго Боспорскаго царства съ сильно-развитыми монархическимъ и аристократическимъ элементами.

IV.

Ольвія. Историческій очеркъ. Свидѣтельство Діона. Хрисостома. Археологическія раскопки въ Ольвіи.

Ольвія—одна изъ самыхъ большихъ колоній, была расположена на правомъ берегу Гипаниса-Буга при впаденіи его въ Буго-Днѣпровскій лиманъ, близъ теперешняго села Парутина-Ильинскаго. Основаніе Ольвіи относится къ VII вѣку до Р. Хр. Наивысшаго расцвѣта она достигла въ V, вѣкѣ и первой половинѣ IV, вѣка до Р. Хр. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ археологическіе памятники, указывающіе на богатство и широкія торговыя сношенія ольвіополитовъ, такъ и греческій историкъ Геродотъ, посѣтившій Ольвію въ VI вѣкѣ. Основой богатства Ольвіи была торговля; отсюда вывозились хлѣбъ, рыба, скоть.

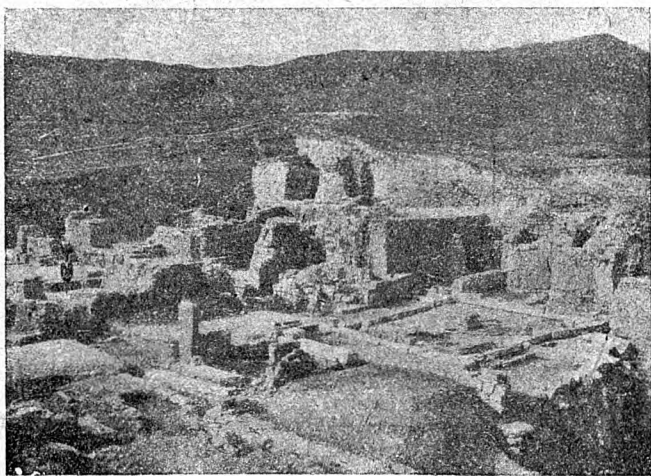

Рис. 5. Раскопки въ Ольвіи.

Съ половины IV, вѣка до Р. Хр. начинается постепенный упадокъ Ольвіи, подвергшейся чередовавшимся нападеніямъ

варваровъ-скифовъ, сарматовъ, галатовъ и др. Нерѣдко Ольвѣй овладѣвали враги; часто она должна была умиловать различнаго рода дарами грозныхъ степныхъ сосѣдей. Изъ одной интереснѣйшей Ольвійской надписи—декрета въ честь именитаго и много послужившаго городу гражданина Протогена (III в. до Р. Хр.)—мы узнаемъ объ этой безпокойной и полной ожиданія опасностей жизни греческой колоніи. Въ половинѣ I вѣка до Р. Хр. геты совершенно раззорили

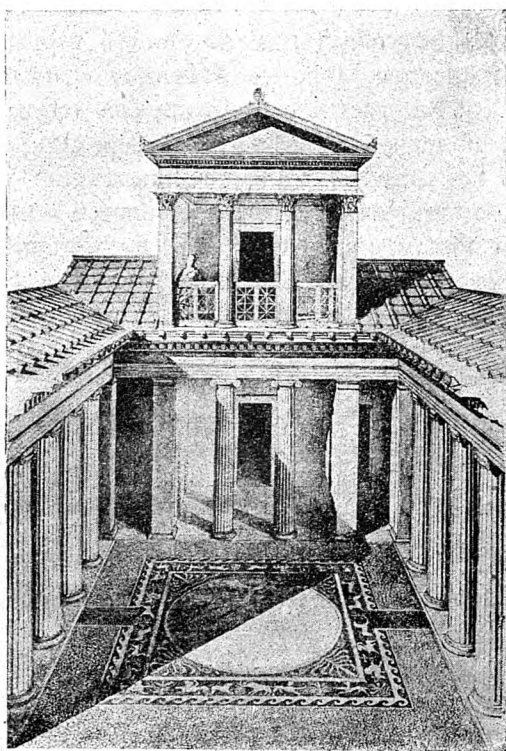

Рис. 6. Внутренний дворъ Ольвійскаго дома, (Реконструкція).

Ольвию, и всё ея обитатели разбѣжались въ разныя стороны. Позже ольвиополиты *) возвратились на старыя мѣста, но воскресить уже прежней Ольвіи не удалось.

*) Т. е. граждане Ольвіи.

Греческій писатель Діонъ Хрисостомъ, посѣтившій городъ въ концѣ I вѣка по Р. Хр. краснорѣчиво описываетъ «мерзость запустѣнія», царившую въ Ольвіи. «Городъ борисеенитовъ*)»—говоритъ онъ—по величинѣ не соотвѣтствуетъ своей прежней славѣ, вслѣдствіе неоднократныхъ раззореній и войнъ: находясь уже такъ давно среди варваровъ и притомъ почти самыхъ воинственныхъ, онъ постоянно подвергается нападеніямъ и нѣсколько разъ уже былъ взятъ врагами; послѣднее и самое сильное раззореніе его было не болѣе, какъ за 150 лѣтъ: геты взяли и его и остальные города по лѣвому берегу Понта вплоть до Аполлоніи. Вслѣдствіе этого-то дѣла тамошнихъ эллиновъ пришли въ крайній упадокъ: одни города совсѣмъ не были возстановлены, другіе—въ плохомъ видѣ, и при этомъ нахлынула на нихъ масса варваровъ. Много сдѣлано было захватовъ во многихъ частяхъ эллинскаго міра, разбѣяннаго по разнымъ мѣстамъ. Послѣ разгрома борисеениты снова заселили городъ, какъ мнѣ кажется по желанію скиновъ, нуждавшихся въ торговлѣ и посѣщеніяхъ эллиновъ, которые по разрушеніи города, перестали пріѣзжать туда, такъ какъ не находили соплеменниковъ, которые могли бы ихъ принять, а сами скины не желали и не умѣли устроить имъ торговые мѣста по эллинскому образцу. О бывшемъ раззореніи свидѣлствуютъ плохой видъ построекъ и тѣсное расположеніе города на небольшомъ пространствѣ: онъ пристроенъ лишь къ небольшой части прежней городской черты, гдѣ остается еще нѣсколько башенъ, не соотвѣтствующихъ ни величинѣ, ни силѣ нынѣшняго города; находящееся между ними пространство тѣсно застроено домишками, почти безъ промежутковъ и обнесено очень низенькой и непрочной стѣнкой. Нѣкоторыя башни стоятъ такъ далеко отъ заселенной нынѣ мѣстности, что нельзя даже представить себѣ, чтобы онѣ принадлежали одному городу. Все это служить явными признаками его раззоренія, и затѣмъ еще то, что въ храмахъ не осталось ни одной цѣлой статуи, но всѣ онѣ изуродованы, равно какъ и бывшія на надгробныхъ памятникахъ».

*) Такъ называетъ Діонъ Ольвію, расположенную близъ Борисеена — Дялпра.

Это свидѣтельство Діона подтверждается археологическими данными, показывающими, что новый городъ занималъ лишь только часть стараго. Само населеніе города варваризовалось, хотя старыя эллинскія традиціи не замерли окончательно среди ольвіополитовъ, и они охотно сходились послушать заѣзжаго ритора на любимую тему о поэмахъ Гомера, особенно о своемъ героѣ Ахиллѣ, культъ котораго, какъ владыки морей (Ахилла Понтарха), былъ здѣсь сильно распространенъ. Въ эпоху римской имперіи Ольвія не играла особо значительной роли, все время занятая отраженіемъ варваровъ. Окончательно погибла она во время готскихъ нашествій.

Богатое прошлое этой могущественной милетской колоніи вызвало естественный интересъ археологовъ, ожидавшихъ найти здѣсь интересные памятники «былыхъ дѣлъ и дней». Особенно плодотворная работа по обследованію Ольвіи началась съ 1901 года, когда руководство раскопками принялъ проф. Б. В. Фармаковский. И вотъ, въ теченіе 12 лѣтъ раскопки, веденныя систематически и планомерно, дали богатѣйшіе результаты, расширяя матеріалы по исторіи Ольвіи и давая блестящіе образцы изобразительныхъ искусствъ. На памятникахъ Ольвіи можно прослѣдить цѣлую смѣну вліяній; эпоха милетскаго вліянія съ египетскими экскурсами, большая и плодотворная эпоха аттического вліянія, эллинизмъ, варваризація, романизація, новое разрушеніе—все это богато и конкретно представлено. Археологическими раскопками возстановлены планъ древняго города и его границы въ различныя эпохи, укрѣпленія и некрополь. Находимые въ обилии предметы представляютъ нерѣдко первоклассный интересъ и для исторіи античнаго искусства, и для исторіи культуры.

V.

Херсонесъ Таврическій. Историческій очеркъ. Музей древностей. Археологическія раскопки въ Херсонесѣ.

Херсонесъ-Таврическій—дорійская колонія, основанъ значительно позже Ольвіи. Определенно упоминается о немъ въ историческихъ источникахъ лишь въ IV вѣкѣ до Р. Хр. Въ III вѣкѣ Херсонесъ уже играетъ видную роль. Къ этому времени относится и знаменитая присяга херсонесскаго гражданина, ярко свидѣтельствующая о демократическомъ стрѣі этого государства-города. Въ концѣ II вѣка до Р. Хр. Херсонесъ, тѣснимый скинами, сталъ подѣ покровительство царя-завоевателя Мирадата Евпатора, и вошелъ (вмѣстѣ съ Боспоромъ, Ольвіей, Тирой и др.) въ составъ Понтійскаго царства. Послѣ гибели Мирадата Херсонесъ, перейдя подѣ верховную власть Рима, входилъ сначала въ составъ Боспорскаго царства, а затѣмъ былъ признанъ автономной республикой, съ правомъ чеканить золотую и серебряную монету безѣ императорскаго имени. Но Римъ, однако, оказывалъ свое вліяніе: въ Херсонесѣ стояли римскіе гарнизоны, а въ его портѣ нерѣдко находился римскій флотъ. Въ III вѣкѣ по Р. Хр., въ связи съ готскими передвиженіями, связь съ Римомъ прерывается и восстанавливается лишь въ концѣ IV вѣка. Въ византійскую эпоху (начиная со времени Юстиніана) Херсонесъ достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего процвѣтанія, сдѣлавшись административнымъ центромъ всего Крыма.

Археологическое обследованіе Херсонеса началось уже давно (такъ особенно извѣстны раскопки графа А. С. Уварова въ 1853 году), но планомѣрная, систематическая работа ведется съ 1888 года. Раскопки дали и продолжаютъ давать все новый и новый матеріалъ, проливающий нерѣдко и новый свѣтъ на мятежное и бурное прошлое этого замѣчательнаго города греко-римской и византійской эпохъ. Ав-

тору настоящей работы, дважды посѣтившему Херсонесскія развалины, съ промежуткомъ въ 11 лѣтъ, наглядно пришлось убѣдиться въ успѣхахъ, достигнутыхъ новѣйшими раскопками.

Прежде всего, музей, осмотръ котораго предваряетъ и вводитъ въ изученіе самыхъ раскопокъ, представляетъ значительный интересъ. Хотя самъ музей и невеликъ по объему, не обилёнъ и разнообразёнъ по заключающемуся въ нёмъ

Рис. 7. Херсонесскій музей. Надписи и скульптура.

материалу. Всѣ столы и витрины заняты самыми разнообразными предметами,, относящимися къ общественной, бытовой или домашне-семейной сторонамъ жизни херсонесцевъ. Остатки архитектуры отъ храмовъ и зданій греческаго и римскаго времени даютъ представленіе о внѣшнемъ убранствѣ жилищъ. Многочисленные предметы домашней утвари и украшеній знакомятъ съ внутреннимъ обиходомъ. Обильно представлена въ музеѣ посуда, стеклянная и глиняная, различнаго рода и различныхъ формъ. Изъ украшеній надо упомянуть о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, коль-

цахъ, серьгахъ и пластинкахъ. Немало найдено игральныхъ костей, указывающихъ на веселое времяпрепровождение херсонесцевъ. Встрѣчаются любопытныя дѣтскія игрушки-шарики, кости (родъ бабокъ) и даже игрушечная (кукольная) посуда. Имѣются въ музеѣ и урны, заключающія въ себѣ прахъ херсонесскихъ гражданъ и ихъ супруговъ («прахъ Менофила съ женою его» и др.). Большая коллекція монетъ какъ херсонесскихъ, такъ и сосѣднихъ колоній весьма важна для установленія хронологическихъ датъ.

Весьма важнымъ источникомъ для исторіи Херсонеса являются также найденныя при раскопкахъ надписи, изъ которыхъ особенно цѣнны уже упомянутая присяга херсонесскихъ гражданъ (къ ней мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ) и договоръ Херсонеса съ царемъ понтійскимъ Фарнакомъ. Въ послѣдней, не такъ давно опубликованной надписи, Фарнакъ такъ опредѣляетъ свои союзническія отношенія съ Херсонесомъ: «...клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, всѣми богами Олимпійскими и богинями; другомъ буду я херсонесцамъ всегда, и если сосѣдніе варвары выступятъ походомъ на Херсонесъ или на подвластную херсонесцамъ страну, или будутъ обижать херсонесцевъ, и сіи призовутъ меня, буду помогать имъ, поскольку позволить мнѣ время, и не замыслю зла противъ херсонесцевъ никоимъ образомъ и не пойду походомъ на Херсонесъ, и не подниму оружія противъ херсонесцевъ, и не совершу противъ херсонесцевъ ничего, что могло бы повредить народу херсонесскому, но буду содѣйствовать охранѣ его демократіи по мѣрѣ возможности, пока они остаются вѣрными дружбѣ со мною и если поклянутся тою же самою клятвой, и будутъ соблюдать дружбу съ римлянами и ничего не будутъ предпринимать противъ нихъ. Соблюдающему клятву да будетъ благо, нарушающему же обратно...» *). Любопытны также въ музеѣ ручки отъ глиняныхъ сосудовъ съ именными печатями херсонесскихъ астиномовъ (тогдашнихъ контролеровъ акцизныхъ сборовъ).

*) Царь понтійской Фарнакъ царствовалъ прибл. отъ 190 до 169 г. до Р. Кр. договоръ заключенъ какъ можно предполагать, въ 179 г. до Р. Хр.

Что касается до самихъ развалинъ Херсонеса, то посещение ихъ оставляетъ незабываемое впечатлѣніе. Херсонесъ въ эпоху своего расцвѣта занималъ весьма значительное пространство, при чемъ не надо выпускать изъ вида, что надъ Херсонесомъ греческимъ и римскимъ былъ позже Херсонесъ византійскій. Очень часто при раскопкахъ подъ одной кладкой обнаруживается другая, при чемъ въ большинствѣ случаевъ кладка классической эпохи представляется гораздо

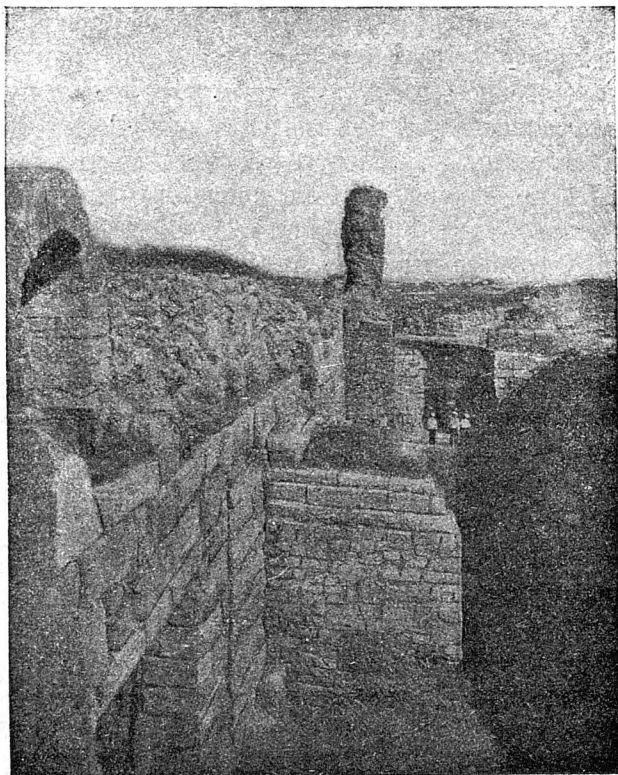

Рис. 8. Стѣны Херсонеса.

болѣе совершенной. Многое изъ городища уже раскопано, но въ цѣломъ «мертвый городъ» еще не воскресъ въ своихъ развалинахъ.

Прежде всего, вниманіе обращаютъ остатки крѣпостныхъ стѣнъ капитальной кладки (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружена тройная кладка). Вполнѣ понятно, что херсонесцы такъ заботились о крѣпостной оградѣ; вѣдь немало пришлось перенести многострадальному городу отъ вражескихъ нападений, начиная отъ скивоовъ и кончая славянами и степными кочевниками. Эффектна главная улица, заканчивающаяся площадью, на которой въ христіанскую эпоху находился храмъ. Кромѣ главной, открытъ также цѣлый рядъ правильно расположенныхъ улицъ съ симметрично разставленными домами; всюду въ городѣ были проведены канализація и водопроводъ. На торговый характеръ занятій гражданъ Херсонеса указываетъ большое количество зданій, снабженныхъ огромными цистернами (или пашенными ямами), предназначенными для храненія зерна, масла, соленой рыбы и т. п. продуктовъ. Остатки зданій не всегда даютъ возможность вполнѣ разобраться въ планѣ постройки, особенно когда приходится отдѣлять византійскую надстройку или перестройку на классической основѣ. Христіанско-византійская эпоха представлена также храмами. Изъ эпохи христіанскихъ построекъ особенно извѣстна базилика, открытая въ 1853 г. гр. Уваровымъ. Когда-то она была въ сравнительно хорошей сохранности (и теперь планъ построенія вполнѣ ясенъ), но уже часть алтарной апсиды обрушилась вмѣстѣ со скалой въ море. Передъ этой базиликой новыми раскопками Р. Х. Лепера обнаружены были остатки небольшого 8-угольнаго зданія для омовенія (повидимому, баптистерія). За стѣной, по дорогѣ къ Севастополю, находится храмъ съ мозаичнымъ поломъ, удачно сохранившимся. Вблизи храма расположены катакомбы или, вѣрнѣе, погребальныя камеры, только сообщающіяся между собой. Эти камеры служили мѣстомъ погребенія какъ въ поздне-языческую, такъ и въ христіанскую эпоху.

Недавнія раскопки полк. Печенкина въ окрестностяхъ Херсонеса дали много новаго для уясненія хозяйственнаго уклада херсонесцевъ, занимавшихся земледѣліемъ и виноградной культурой. Вереть на 15 вглубь страны тѣснились огороженные участки, перерѣзываемые укрѣпленными доро-

гами; въ центрѣ каждаго участка стоялъ крестьянскій домъ. Эти херсонесскія аграрно-военныя поселенія огораживались отъ степи стѣнами; большая стѣна огораживала всю территорию.

VI.

Пантикапей. Боспорское царство, его своеобразныя черты. Курганы. Скиѣы и греки.

Пантикапей—столица Боспорскаго царства, начинается опредѣленно упоминаться съ V вѣка до Р. Хр.; основаніе его можно относить ко времени, предшествующему (къ срединѣ VI вѣка до Р. Хр.). Въ противоположность Ольвіи и Херсонесу Пантикапей былъ аристократической республикой, превратившейся затѣмъ въ монархію.

Первоначальный расцвѣтъ Пантикапея относится къ IV.—III вѣкамъ до Р. Хр., когда широко-развившаяся хлѣбная торговля съ Элладой усилила могущество Боспора. Греція, сильно нѣждаясь въ привозномъ черноморскомъ хлѣбѣ, всячески старалась войти въ торговыя соглашенія съ Боспорскимъ государствомъ. Пантикапей въ это время значительно расширилъ свои владѣнія, подчинивъ Нимфей, Теодосію, Фанагорію (теперь Тамань) и Горгипсію (теперь Анапу), продвинувшись, наконецъ, въ Подонье, гдѣ крайнимъ проводникомъ классическаго вліянія сталъ Танаисъ. Образовалось большое царство крупныхъ помѣщиковъ-феодаловъ, во главѣ которыхъ стоялъ главный военачальникъ-архонтъ. Эти магнаты-помѣщики вели большое хозяйство, основывавшееся на крѣпостномъ трудѣ, вели нескончаемыя войны съ степняками, предводительствуя какъ своими мѣстными, такъ и наемными дружинами. На этомъ феодальномъ, военно-аристократическомъ укладѣ сказалось вліяніе и рыцарской Іоніи и восточныхъ элементовъ, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ сосѣдними скиѣами. Академикъ М. И. Ростовцевъ своими изслѣдованіями блестяще выяснилъ проблему «іонизма» и «иранизма» на Боспорѣ. Монархическій строй, созданный сначала по образу іонійской тиранніи, принялъ затѣмъ типичныя эллинистическія черты съ опредѣленнымъ восточнымъ (иранизирующимъ) отгѣнкомъ.

Во II и I ввкѣ до Р. Хр. Боспоръ переживалъ эпоху сильнаго ослабленія, много терпѣлъ отъ варварскихъ нападений, долженъ былъ признать власть Миѳрадата. Послѣ владычества понтійскихъ царей, Пантикапей перешелъ подъ покровительство римлянъ, образуя вассальное государство. Новый расцвѣтъ Боспорскаго царства относится къ I—II ввкамъ по Р. Хр., когда снова возстаиваются старыя тра-

Рис. 9 Мраморный бюстъ Боспорскаго царя изъ Керчи.

диціи аристократическаго уклада съ своеобразнымъ и интереснымъ развитіемъ царской власти «божіей милостію», находящейся подъ опредѣленнымъ вліяніемъ иранизма. Въ серединѣ IV вѣка исторія Боспорскаго царства прерывается, въ связи, повидимому, съ большими варварскими передвиженіями. Въ V вѣкѣ христіанской эры Боспоромъ владѣли гунны, и лишь въ VI вѣкѣ онъ вернулся подъ власть Византіи.

Изъ памятниковъ Боспорскаго царства обращаютъ особое вниманіе погребенія—знаменитые курганы окрестностей Керчи и Тамани. Эти замѣчательные памятники гробничной архитектуры заключали въ себѣ богатѣйшія коллекціи золотыхъ уборовъ, сосудовъ, великолѣпныхъ тканей, вазъ, расписныхъ и золоченыхъ, токарныхъ и рѣзныхъ саркофаговъ. Коллекціи эти составляютъ одно изъ лучшихъ и примѣчательнѣйшихъ украшеній нижнихъ залъ Государственнаго Эрмитажа въ Петроградѣ.

Сами-же курганы, какъ Царскій, Мелекъ-Чесменскій и Павловскій въ Керчи, Васюринскій и двѣ Близницы въ Тамани,—знакомятъ съ самымъ характеромъ погребенія, поражающаго своей пышностью и торжественностью. И величественная колеснада, и богато-расписанный склепъ и само пышное убранство—все говоритъ о сложности и архаичности обряда и религіозныхъ представленій.

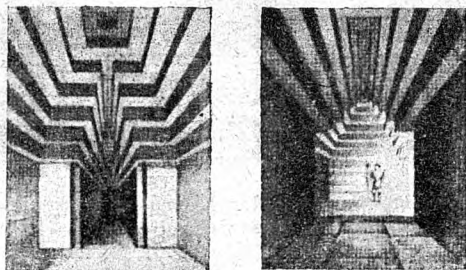

Рис. 10 и 11. Дромось и погребальная комната склепа Павловскаго кургана близъ Керчи.

Здѣсь сказываются наглядно іонійскія и восточныя представленія, такъ расцвѣтшія въ IV вѣкѣ до Р. Хр. Второй періодъ строительства кургановъ съ монументальными погребеніями относится къ I—II вѣкамъ по Р. Хр. Весьма интересно отмѣтить замѣчательную роспись погребальныхъ склеповъ. Памятники декоративной живописи на югѣ Россіи тянутся на протяженіи цѣлыхъ семи вѣковъ (отъ IV вѣка до Р. Хр. по II вѣкѣ по Р. Хр.) и даютъ великолѣпные образцы до- и послѣ-помпеянской живописи. Но помимо своего исключительнаго значенія для исторіи классическаго искусства (исторію греческаго искусства прямо нельзя изучать безъ его южно-русскихъ проявленій) памятники росписи погребальныхъ камеръ даютъ богатѣйшій матеріалъ для общей культурной исторіи нашего юга въ греко-римскую эпоху. На ряду съ религіозными и мифологическими сюжетами въ росписи немало мѣста удѣлено эпизодамъ бытового характера. Особенно любопытны изображенія воинственныхъ помѣщиковъ-феодаловъ съ ихъ домочадцами и дружинами, съ ихъ борьбой съ степными народами. Къ сожалѣнію, замѣчательные памятники

Боспора далеко не всё находятся въ соответствующей сохранности; ихъ изученіе на мѣстѣ непремѣнно должно быть пополняемо изученіемъ коллекцій Государственнаго Эрмитажа, гдѣ собрано все лучшее изъ керченскихъ раскопокъ.

Рис. 12. Боспорскій помѣщикъ. Часть росписи пантикапейской гробницы Анеестерія.

Когда приходится говорить о памятникахъ античной культуры въ предѣлахъ Россіи, то нельзя ограничиваться только тѣми памятниками, которые найдены на мѣстѣ самихъ греко-римскихъ колоній. Вліяніе этихъ колоній, бывшихъ свѣточами культуры и выполнявшихъ свою высокую миссію среди могущественныхъ варваровъ, простиралось далеко вглубь, въ предѣлы Подонья, Побужья, Поднѣпровья, и Поднѣстровья. Различнаго рода сношенія, и воинственные и торговые, невольно подчиняли варваровъ болѣе высокой и совершенной культурѣ; знаменитые т. н. «скинскіе» курганы (Чертомлыцкій, Куль-Обскій, Ильинецкій, Карагадеуашскій, Солоха и др.) дали богатѣйшія коллекціи замѣчательныхъ предметовъ эллинскаго производства. Греческіе мастера не только поставляли художественные предметы дворянъ скинскихъ владыкъ, но и выполняли, повидимому, ихъ спеціальныя заданія.

Культурное вліяніе не ограничивалось, однако, одними художественными издѣліями, но проникало значительно глубже. Скиены подвергались эллинизации, что иногда сопряжено было съ самыми тяжелыми для нихъ послѣдствіями. У Геродота имѣется разсказъ о слишкомъ увлекшихся греческой культурой скинскихъ вождахъ Анахарсисѣ и Скилтѣ, смертью

поплатившихся за свое пристрастіе къ чужеземцамъ и за измѣну туземнымъ обычаямъ. Скилъ, часто посѣщая Ольвию, выстроить тамъ домъ, поселилъ тамъ жену туземку; входя въ городъ, онъ сбрасывать съ себя скискія одежды, надѣвать эллинское платье, во всемъ жить по-эллини и прино-

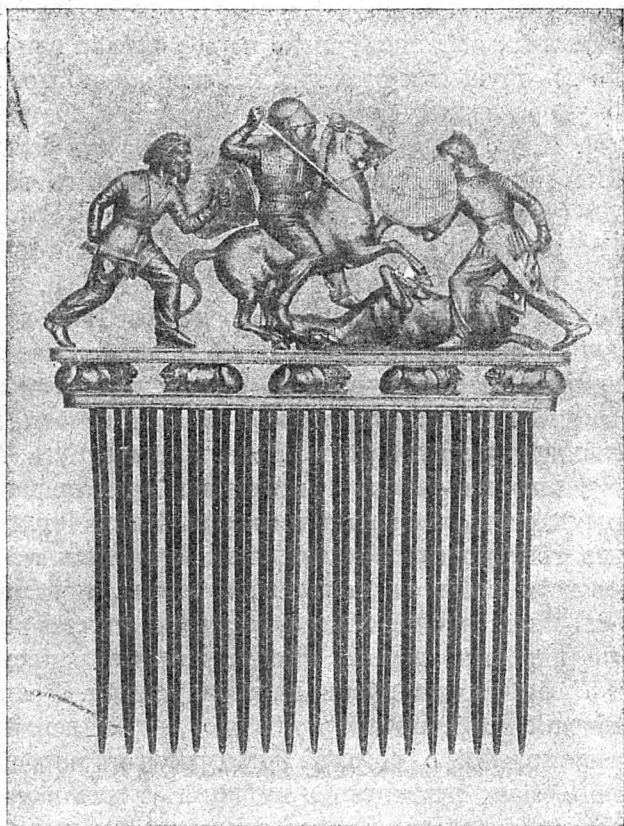

Рис. 13. Золотой гребень изъ царской могилы кургана Солохи.

силъ жертвы богамъ по эллинскому обычаю. Во время одного изъ празднествъ Скилъ былъ узнавъ скискими начальниками, пришедшими въ величайшее негодованіе и возмущившими прстивъ царя все войско. Скилъ долженъ былъ бѣжать, но судьбы своей избѣжать не могъ. Ему отрубили голову. Эти

эпизоды относятся къ наиболѣе раннимъ періодамъ сношеній грековъ съ скиѣми (къ VII—V вѣкамъ до Р. Хр.). Съ теченіемъ времени крайности сглаживались, близкое сосѣдство дѣлало свое дѣло.

Было-бы ошибочно сказать, что вліяніе было одностороннимъ, только греческимъ на скиѣовъ. Несомнѣнно, что были и вліянія обратныя. Скиѣская культура, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, является далеко не варварской или «варварской», но въ другомъ смыслѣ слова, нежели это представлялось по укоренившемуся мнѣнію. Выступая противъ этого мнѣнія М. И. Ростовцевъ говоритъ: «Варварами были скиѣи и сарматы только въ томъ смыслѣ, въ какомъ варварами были для грековъ и египтяне, и ассирійцы, и Вавилонъ, и Персія, не варвары, а люди другой неоднородной съ греками культуры. Начиная съ конца IV вѣка до Р. Хр. и вплоть, вѣроятно, до конца III или даже до начала II в. до Р. Хр., степи нашего юга пріобрѣтають совсѣмъ иной аспектъ, чѣмъ тотъ, который такъ мастерски набросалъ передъ нами Геродотъ. На всемъ протяженіи великой степной полосы, по берегамъ великихъ русскихъ рѣкъ: Дона, Кубани, Буга, Днѣпра, доходя далеко на сѣверъ, раскинулся рядъ скиѣо-сарматскихъ государствъ, большихъ и малыхъ. Въ значительной части этихъ государствъ кочевой бытъ смѣняется осѣдлымъ; вмѣсто лагеря кибитокъ появляются города, обнесенные валами и стѣнами; высшіе классы населенія отличаются незауряднымъ вкусомъ, высоко цѣнятъ греческую промышленность, но нерѣдко диктуютъ ей свои условія. Религіозныя представленія пріобрѣтають твердо опредѣленные формы, представленія о бogaхъ выливаются въ опредѣленные греческіе образы, фиксируются внѣшній обликъ и матеріальная обстановка культа. Правда, культура эта носитъ чисто аристократическій характеръ, это культура царей и высшей феодалной аристократіи, но она постепенно проникаетъ и въ толщу народа, пріучаетъ и его къ культурной обстановкѣ аристократіи». Мы уже отмѣчали выше ирано-скиѣскія вліянія въ Боспорскомъ царствѣ. Здѣсь еще разъ подчеркнемъ своеобразныя представленія о царской власти божьей милости, развившіяся въ Скиѣи и перешедшія въ

Боспоръ. Засвидѣтельствванное памятниками изобразительныхъ искусствъ (въ Боспорскомъ царствѣ также и монетами) представленіе объ инвеститурѣ царской власти отъ божества (изображенія всадниксвѣ—бога и царя) ведетъ свое

Рис. 14. Бсгъ и царь. Верхняя часть серебрянаго рога (ритона) изъ Карагадеуашхскаго кургана.

начало изъ Скиѣи, бывшей въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ опредѣленныхъ восточныхъ традицій.

Не имѣя возможности въ настоящей книжки останавливаться подробно на скиѣской культурѣ *), мы отмѣчаемъ ея высокую цѣнность и ея значеніе для пониманія взаимно-вліяній греко-римскаго и скиѣскаго міровъ.

*) См. книжку Н. А. Щербакова — Скиѣи.

VII.

Жизнь грековъ — колонистовъ по археологическимъ даннымъ. Дѣтскія игрушки. Присяга гражданина. Надгробныя надписи. Заключение.

Археологическія раскопки даютъ возможность возстановить, хотя-бы въ ея основныхъ чертахъ, жизнь колонистовъ-обитателей нашего юга отъ ранней поры дѣтства до конца земного странствія. Какъ-бы снова воскресаетъ угаснувшая культура, реальный обликъ принимаютъ отлѣтѣвшія тѣни, ярко сверкаютъ казалось поблекшія краски, безмолвные вещественные свидѣтели былого въ своемъ молчаніи о многомъ свидѣтельствуютъ....

Золотые дѣтства годы грековъ-колонистовъ представлены богатымъ и любопытнымъ инвентаремъ различного рода игрушекъ. Въ дѣтскихъ могилахъ очень часто встрѣчаются эти игрушки. Нахожденіе ихъ въ довольно значительномъ количествѣ (особенно при раскопкахъ Ольвии, Березани и др. колоній) объясняется тѣмъ, что при первыхъ переселеніяхъ съ юга, изъ благословенной Эллады дѣти колонистовъ плохо переносили суровый и непривѣтливый климатъ новой родины и умирали въ большомъ количествѣ. Матери ихъ, предавая ихъ на вѣчное упокоеніе «матери сырой землѣ», клали съ ними въ могилки игрушки—то, что тѣшило и забавляло ихъ при жизни. И земля, какъ бы внемля мольбамъ неутѣнныхъ матерей, сохранила память объ ихъ любимцахъ съ ихъ играми и забавами для далекаго потомства, воскресила ихъ тѣни, ввела ихъ въ великій и единственно вѣчный обиходъ научнаго знанія.

Инвентарь могилъ чрезвычайно разнообразенъ и характеренъ для различныхъ сторонъ дѣтской жизни. Открываютъ серію находокъ шарообразные сосудики съ боковой ручкой—рожки для молока. На ряду съ этими необходимыми предметами физическаго питанія ребенка, встрѣчаются предметы,

указывающіе на заботы о развитіи умственныхъ, душевныхъ качествъ дѣтей. Матери и няни, баюкая малютокъ, пѣли колыбельныя пѣсни, а когда дитя бодрствовало, забавляли его игрушками. Сообразно возрасту имѣлись и игрушки. Одной изъ первыхъ игрушекъ, какъ и вездѣ, являлась погремушка. Шумъ, ею вызываемый, веселилъ и интересовывалъ дитя. Глядя на найденныя при раскопкахъ погремушки (особенно любопытна одна, представляющая собой качалку, въ которой лежитъ ребеночекъ), вспоминаешь арію съ погремушкой, которую поетъ своему питомцу героиня недавно найденной трагедіи Еврипида царица-прислужница Ипсипила, разлученная съ своими дѣтьми и скорбящая о минувшихъ дняхъ славы и счастья.

«Греми погремушка, греми.

Какъ въ зеркалѣ ясномъ, въ ребенка очаяхъ

Былую я жизнь воскрешаю.

Расти же въ сіяніи бѣлой зари

Расти мой малютка: я дѣтство твое

Заботой и пѣсней взлелѣю.

Греми погремушка, греми».

(Перев. О. Ф. Зѣлинскаго).

Вслѣдъ за погремушкой идутъ и другія игрушки; среди нихъ часты изображенія животныхъ изъ глины, рѣже изъ слова и кости. Встрѣчаются преимущественно фигурки домашнихъ животныхъ: собачекъ, цѣтуховъ, голубей, коровъ, лошадей и свиней. Въ качествѣ наглядныхъ иллюстрацій къ рассказываемымъ баснямъ о животныхъ нерѣдки фигурки героинь басенъ—обезьянъ. Нѣкоторыя фигурки изъ глины являются въ то же время и свистульками, которыми до сихъ поръ можно издавать душу раздирающіе звуки. Въ дальнѣйшемъ развитіи, сообразно вкусамъ и особенностямъ пола, варьируются и игрушки. Для мальчиковъ интересъ представляютъ солдатики, лошадки, повозки, фигурки людей различныхъ профессій и т. п.; дѣвочки съ увлеченіемъ играютъ въ куклы, устраиваютъ особое кукольное хозяйство. До насъ дошли любопытнѣйшіе образцы игрушечной, кукольной посуды.

Не забыть археологическимъ матеріаломъ и тотъ періодъ дѣтской жизни, когда на ряду съ играми начинается и обученіе азбукѣ. Найдены многогранники съ начертанными на нихъ буквами алфавита (въ одномъ случаѣ) и согласными (въ другомъ). Многогранникъ перваго типа являлся, повидимому, букваремъ и служилъ своего рода руководствомъ для нагляднаго обученія дѣтей грамотѣ.

Рис. 15. Дѣтскія игрушки, найденныя при раскопкахъ.

Быстро проносились годы безпечнаго дѣтства, проходили годы отрочества и юности—годы ученія, накопленія знаній, нравственнаго и физическаго усовершенствованія (для грековъ вопросы физическаго воспитанія стояли на самомъ видномъ мѣстѣ)—и вотъ гражданинъ долженъ былъ вступать во все свои права. Демократическое устройство колоній, создавшихъ свой внутренній порядокъ по образцу государствъ-городовъ Эллады, предоставляло все основныя свободы гражданамъ, но въ то-же время накладывало на нихъ извѣстныя обязательства. Охрана своего города, защита его свободы отъ всякихъ враговъ и всякихъ покушеній, забота объ его процвѣтаніи и преуспѣяніи—вотъ что долженъ былъ выполнять каждый гражданинъ. Весьма интересна и показательна въ этомъ отношеніи знаменитая присяга херсонесскаго гражданина, являющаяся классическимъ образцомъ опредѣленныхъ формулировокъ обязанностей гражданина по отношенію къ своему городу-общинѣ. Присяга эта гласитъ:

«Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпійскими и героями, кои владѣютъ городомъ и землею и укрѣпленіями херсонесцевъ: я буду единомыс-

ленъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не предамъ ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани,*), ни прочихъ укрѣпленій, ни изъ прочей земли, кою херсонесцы владѣютъ или владѣли, ничего никому—ни эллину, ни варвару, не сохранию народу херсонесцевъ; и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вмѣстѣ съ нимъ, но заявлю городскимъ деміургамъ**); и врагомъ буду злоумышляющему и предающему и склоняющему къ отпаденію Херсонесъ или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрѣпленія и область херсонесцевъ; и буду служить деміургомъ и членомъ совѣта, какъ можно лучше и справедливѣе для города и гражданъ; и..... народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни эллину, ни варвару, что можетъ повредить городу; я дара не дамъ и не приму ко вреду города и гражданъ; и не замыслю никакого несправедливаго дѣянія противъ кого-либо изъ гражданъ не отпавшихъ и замышляющему не дозволю и не утаю ничего ни съ кѣмъ), но заявлю и при судѣ подамъ голосъ по законамъ; и въ заговоръ не вступлю ни противъ общины херсонесцевъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, кто не объявленъ врагомъ народу; если же я съ кѣмъ-либо вступилъ въ заговоръ и если связанъ какою-либо клятвою или обѣтомъ, то нарушившему да будетъ лучше и мнѣ и моимъ, а пребывающему—обратное; и если я узнаю какой-либо заговоръ существующій или составляющійся, то заявлю деміургамъ; и хлѣба вывознаго съ равнины не буду продавать и вывозить въ другое мѣсто съ равнины, но только въ Херсонесъ. Зевсъ и Земля и Солнце и Дѣва*** и боги Олимпійскіе, пребывающему мнѣ въ этомъ да будетъ благо и самому и роду и моимъ, а не пребывающему—зло и самому и роду и моимъ, и да не приносить мнѣ плода ни земля, ни море, ни женщины да не (благорождаютъ)...)» (перев. В. В. Латышева).

Безукоризненное исполненіе своихъ гражданскихъ обязанностей, услуги, оказанныя городу въ той или другой об-

*) Керкинитиды и Прекрасная гавань — окрестности Херсонеса.

**) Деміурги — высшія должностныя лица.

***) Богиня Дѣва — покровительница Херсонеса.

ласти, участіе въ его защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ, финансовая помощь—все это отличалось благодарными согражданами и вело къ высокимъ отличіямъ. До насъ дошелъ цѣлый рядъ декретовъ въ честь отличившихся и именитыхъ гражданъ. Они получали почетное гражданство, увѣнчивались золотыми вѣнками, декреты въ честь нихъ возглашались особыми глашатаями и записывались въ видѣ особыхъ почетныхъ надписей. Такія почести раздавались какъ при жизни, такъ и послѣ смерти отличившихся лицъ. Кромѣ военныхъ подвиговъ, дипломатическихъ и финансовыхъ услугъ награждались также и дѣянія чисто-культурнаго характера. Весьма примѣчательна въ этомъ отношеніи одна надпись, сохранившая декретъ въ честь историка Сирика:

«Гераклидъ, сынъ Парменонта, предложилъ: Такъ какъ Сирикъ, сынъ Гераклида, явленія (богини) Дѣвы трудолюбиво описавъ, прочелъ и про отношенія къ царямъ Боспора рассказывалъ и бывшія дружественныя отношенія къ городамъ изслѣдовалъ согласно достоинству народа,—(то), чтобы онъ получилъ достойныя почести, пусть рѣшить совѣтъ и народъ похвалить Сирика, сына Гераклида и симмнамонамъ *) увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ въ Діонисіи, въ 21-й день быть провозглашенію: «Народъ вѣнчаетъ Сирика, сына Гераклида за то, что явленія (богини) Дѣвы онъ описалъ и съ городами и царями бывшія дружественныя отношенія изслѣдовалъ правдиво и согласно съ достоинствомъ государства». Написать симмнамонамъ на доску каменную народное постановленіе и выставить ее у храма (богини Дѣвы)); (весь же?) расходъ выдать (согласно рѣшенію?) казначею священныхъ (суммъ. Это рѣшено совѣтомъ и) народомъ (мѣсяца.....) въ десятый день...»

Но вотъ оконченъ жизненный путь, и гражданинъ уходитъ въ царство тѣней. Его близкіе, желая запечатлѣть память о немъ, ставятъ надгробіе съ эпитафіей. Нѣкоторые изъ эпитафій имѣютъ стихотворную форму.

Вотъ, напр., одна изъ надписей,, свидѣтельствующая объ извѣстномъ примиреніи съ фактомъ смерти лица, какъ-бы достигнувшаго въ предѣлахъ земного «всего земного».

*) Симмномы — секретари городской общины.

«Жизни обычный предѣлъ, отведенный намъ смерт-
нымъ, достигнуть,
Странникъ! покойникомъ быть, спящимъ въ гробу
предъ тобой.
Родиной Ольвию градъ въ землѣ скифской имѣлъ онъ,
а имя
Средь живущихъ носилъ—«Данный судьбой»—Мирс-
доръ.
Старецъ мастивый, сойдя въ роковое жилище Анда,
Двухъ онъ оставилъ дѣтей,—двухъ неутѣшныхъ си-
ротъ.
О божество! пусть равно и людямъ и безсмертнымъ
желанный
Въ благочестивыхъ чертахъ будетъ онъ посланъ то-
бой».

(Перев. А. П. Рудакова).

Совсѣмъ другое гласитъ херсонесская надпись въ честь
безвременно-погибшаго юноши Ксанеа:

Ксанеъ, сынъ Лагорина радуйся!
Странникъ! Скрываю собой я—надгробіе Ксанеа, ко-
торый
Былъ утѣшѣемъ отца: родины юной красой;
Свѣдущимъ въ таинствахъ Музъ; безупречнымъ
среди соима согражданъ;
Чтимый межъ юношей всѣхъ; свѣтлой звѣздой кра-
сoty.
Въ битвѣ за родину былъ онъ завистливымъ сгубленъ
Ареемъ,
Сирымъ родителямъ слезъ горькій оставивши даръ.
О, если больше Плутону, чѣмъ вамъ достаются на-
радость
Дѣти, зачѣмъ вы въ родахъ мучитесь, жены тогда!»

(Перев. А. П. Рудакова).

Нерѣдко памятникъ ставили у фонтана, составляя съ
нимъ иногда даже одно цѣлое, или у ключа въ надеждѣ, что
путникъ, утоляя жажду, вспомнить и спящаго вѣчнымъ
сномъ подъ надгробіемъ:

«Здѣсь, о Гликарія, здѣсь, о супруга Асандра ис-
пилъ я

Изъ родника твоего влаги студеной съ виномъ ;

Жажду свою утоливъ, я промолвилъ ; при жизни и
въ смерти

Всѣмъ ; кто бѣду потерпѣлъ, ты избавленье даришь !

(Перев. К. Р.).

И вотъ, подобно путнику, при утоленіи жажды благодарно вспоминающему поэтическую героиню эпиграммы, мы непрестанно прибѣгаемъ къ источнику познанія античнаго міра съ благодарнымъ воспоминаніемъ объ его великихъ вкладахъ въ общую сокровищницу міровой культуры. Изученіе памятниковъ античности, возбуждая большой научный интересъ, отвѣчаетъ въ то же время самымъ лучшимъ и благороднымъ запросамъ человѣческаго духа.

Указатель литературы.

І. Трипольская культура. В. В. Хвойка — Каменный вѣкъ среднего Приднѣпровья (Труды XI Археологическаго съѣзда, т. 1); *его же* — Раскопки 1901 г. въ области Трипольской культуры (Зап. Отд. Рус. и Слав. Археологій Импер. Рус. Археол. Общ., т. V, вып. 2); полемика по поводу этой статьи В. В. Хвойки и Н. Ф. Бѣляшевскаго (Археол. Лѣтопись южной Россіи, 1904 г.); В. В. Хвойка — Раскопки площадокъ въ с. Крутобородинцахъ и вблизи с. Веремье (Древности. Труды Импер. Моск. Археол. Общ.; т. XXII, вып. 2); *его же* — Древніе обитатели среднего Приднѣпровья и ихъ культура въ доисторическія времена (по раскопкамъ). Кіевъ. 1913 г. (см. ср. рецензію И. Н. Бороздина въ „Научномъ Историческомъ Журналѣ“ 1914 г., № 3); И. А. Линниченко и В. В. Хвойка — Сосуды со знаками изъ находокъ на площадкахъ Трипольской культуры. (Зап. Одесскаго Общ. Исторіи и Древн., т. XXIII); Э. Р. фонъ-Штернъ — Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи (Труды XIII Археол. Съѣзда, т. I); А. А. Спицынъ — Раскопки глиняныхъ площадокъ близъ с. Колодистаго. (Изв. Импер. Археол. Ком., XII); О. К. Волковъ — Вироби передмікенського типу у неолітичнихъ становищахъ на Україні (Матеріали до українсько руської етнології, VI); Н. И. Веселовскій — Алебастровыя и глиняныя статуэтки домикенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ. (Изв. Импер. Археол. Ком., вып. 35, 1910 г.); К. В. Хилинскій — Изъ археологій Кіевской земли. (Сборникъ въ честь С. О. Платонова, 1911 г.); В. Е. Данилевичъ — Курсъ русскихъ древностей, 1908 г. (2-е изд., 1914 г.); Д. И. Багалъй — Русская исторія. Т. I, 1914 г.; М. К. Любавскій — Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI вѣка. 2 изд., 1916 г.; М. С. Грушевскій — Кіевская Русь, т. I, 1911 г.; В. П. Бузескуль — Введеніе въ исторію Греціи. Изд. 3, 1915 г.; И. Н. Бороздинъ — Нѣкоторые итоги русскихъ археологическихъ изслѣдованій

последнихъ лѣтъ. (Древности. Труды Импер. Моск. Археол. Общ., т. XXIII, вып. I, 1911 г. и отд.); *его же* — Изъ области русскихъ археологическихъ открытій. (Вѣстн. Европы, 1910 г., 12); *его же* — Археологія (въ Энцикл. Слов. Граната, т. IV); *его же* — Aperçu général sur les résultats d'archéologie préhistorique en Russie dans les dernières années (Comptes rendus du IX Congrès préhistorique de France, 1914.).

II. *Античныя колоніи на югѣ Россіи. Древній міръ на югѣ Россіи.* Изборникъ источниковъ подъ ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского, 1918. г.; *В. В. Латышевъ* — Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. Томы I (вып. 1—3) и II (вып. 1—2), 1893—1906; *его же* — Inscriptones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I, II, IV, 1885—1901, (2 изд. т. I въ 1917 г.); *его же* — Пѣтихъ. Изборникъ научныхъ и критическихъ статей по исторіи, археологіи, географіи и эпиграфикѣ Скиѣи, Кавказа и греческихъ колоній на побережьяхъ Чернаго моря, 1909 г.; *его же* — Къ вопросу о культѣ богини Дѣвы въ Херсонисѣ Таврическомъ. (Сборникъ въ честь В. П. Бузескула, 1914); *Древности Босфора Киммерійскаго.* I—III. 1854, (ср. S. Reinach — Antiquités du Bosphore Cimmerien 1892); *И. И. Толстой и Н. И. Кондаковъ* — Русскія древности въ памятникахъ искусства. I—II, 1880; *П. М. Локотьевъ* — Обзоръ изслѣдованій о классическихъ древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря (Прописки. I. 1856.); *Ю. А. Кулаковскій* — Прошлое Тавриды, 1906 г. (2-е изд. 1914 г.); *Н. И. Новосадскій* — Греческая эпиграфика. Часть I (дана исторія эпиграфическихъ открытій на югѣ Россіи), 2 изд., 1915. г.; *гр. А. С. Уваровъ* — Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. I—II, 1851—1853 г.; *Э. Р. фонъ Штернъ* — Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія культурной исторіи Черноморской колонизаціи. (Зап. Од. Отд. Ист. и Древн., т. XXII); *его же* Die Griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschungen (Klio, IX, 1904); *его же* — Kulturleben und Geschichte des Schwarzmeergebietes („Deutsche Monatschrift für Russland“, 1912, 5); *его же* — Изъ жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ юга Россіи (Сборникъ въ честь гр. А. А. Бобринскаго.

1911 г.); *Бузескулъ* — О. с.; *Бороздинъ* — Нѣкоторые итоги.... (О. с.); *его же* — Памятники античной культуры на югѣ Россіи. 1914 г.; *Б. В. Фармаковский* — Раскопки некрополя древней Ольвіи въ 1901 году (Изв. Импер. Арх. Ком., вып. 8., 1903); *его же* — Раскопки въ Ольвіи въ 1907 году („Гермесъ“, 1907 г.); *его же* — Склепъ Еврисивія и Ареты въ Ольвіи. (Изв. Импер. Арх. Ком., вып. 3); *его же* — Ольвія (въ Энци. Слов. Брокгауза Ефрона); *его же* — Ольвія. (Экскурс. Вѣстн. 1915 г. и отд.); *его же* — Двѣ мраморныя стелы изъ Ольвіи (Изв. И. Арх. Ком., в. 58); *его же* — Милетскія вазы изъ Россіи. (Древности. Труды Импер. Моск. Археол. Общ., т. XXV); *его же* отчеты въ „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Импер. Археол. Ком. и обзоры (по-нѣмецки) въ „Arch. Anzeiger“ (Jahrbuch des Kais. Deutsch. Archäol. Instituts); *его же* — Olbia. Fouilles et trouvailles, 1901—1908. Communication faite au Congrès archéologique du Caire. (Extrait du Bulletin de la Commission Imperiale Archéologique, fast. 33); *гр А. А. Бобринскій* — Херсонесъ Таврический, 1905 г.; *Е Э Ивановъ* — Херсонесъ Таврический. (Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, № 46, 1911 г.); *Яшуржинскій* — Очеркъ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдованій въ области Херсонеса Таврическаго. (Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, № 5, 1898 г.); *А. Л. Бертье-Делагардъ* — Раскопки Херсонеса (Матеріалы по археологіи Россіи, 12, 1893 г.); *его же* — О Херсонесѣ. (Изв. Импер. Археол. Ком., 21, 1907 г.); *Фонъ-Штернъ* — О мѣстоположеніи древняго Херсонеса. 1908 г.; *Костюшко-Валюжиничъ* — Отчеты о раскопкахъ въ Херсонесѣ въ „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Импер. Археол. Комиссіи; *Печенкинъ* — Археологическія развѣдки въ мѣстности Страбонскаго стараго Херсонеса (Изв. Импер. Арх. Ком., 42); *Р. Х. Леперъ* — Херсонесскія надписи. (Изв. И. Арх. Ком. в. 45, 1912); *Памятники Христіанскаго Херсонеса*, изд. гр. П. С. Уваровой, вып. 1—3. 1905—1911 г.; *М. И. Ростовцевъ* — Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Томъ I. Изслѣдованіе и атласъ. Изд. Импер. Арх. Ком. 1914 г.; *его же* — Стекланныя расписныя вазы поздне — эллинистическаго времени и исторія декоративной живописи (Изв. Импер. Арх. Ком. 1914 г.); *его же* — Iranism and Ionism in South Russia, 1913; *его же* — Боспорское царство и южно-русскіе курганы. 1912; *его же* — Научное значеніе

исторіи Боспорскаго царства (Сборникъ въ честь Н. И. Карѣева, 1914 г.); *его же* Керченская декоративная живопись и ближайшія задачи археологическаго изслѣдованія Керчи (Журн. Мин. Нар. Просв., 1906, 5); *его же* — Мирадаты Понтийскій и Ольвія (Изв. Импер. Арх. Ком., 23); *его же* — Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1900, 3); *его же* — Святыище оракійскихъ боговъ и надписи бенефициаріевъ въ Ай-Тодорѣ. (Изв. И. Арх. Ком., в. 40); *его же* — Страбонъ, какъ источникъ для исторіи Боспора (Сборн. въ честь Бузескула); *его же* — Бронзовый бюстъ Боспорской царицы и исторія Боспора въ эпоху Августа (Древн. Труды Моск. Арх. Общ., т. XXV); *его же* — Амага и Тиргатао. (Зп. Одесскаго Общ., Ист. и Др., т. XXXII); *его же* — Сирискъ — историкъ Херсонеса Таврическаго (Журн. Мин. Нар. Просв., 1915, 4); *его же* — Къ исторіи Херсонеса въ эпоху ранней римской имперіи (Сборн. въ честь гр. Уваровой, 1916); *его же* — Военная оккупация Ольвіи римлянами. (Изв. И. Арх. Ком., в. 58); *Шкорпилъ* — Отчеты о раскопкахъ въ Керчи въ „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Импер. Арх. Ком.; *А. В. Орѣшниковъ* — Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ. 1884 г.; *С. А. Жебелевъ* — Боспорскіе Археанактиды (Журн. Мин. Нар. Пр., 1902); *Ө. Г. Мищенко* — Торговля сношенія афинской республики съ царями Боспора (Кіевск. Унив. Изв., 1878 г.); *Марти* — Описаніе Мелекъ-Семеновскаго кургана. 1913 г.; *гр. И. И. Толстой* — Ахиллъ и священная Левка. (Ж. М. Нар. Пр. 1916, 8 и 9); *А. А. Миллеръ* — Къ вопросу о Танаисѣ („Гермесъ“, 1909, 3); *его же* — Раскопки въ районѣ древняго Танаиса (Изв. Импер. Археол. Ком., 35, 1910 г.); *его же* — Археологическія изслѣдованія въ устьѣ Дона (Труды XIV Археол. съѣзда, III); *Н. И. Веселовскій* — Танаисъ младшій („Гермесъ“, 1909 г., 5).

III. *Скиѣскія древности. Minns — Scythians and greeks. Cambridge. 1913.* (см. ср. рецензіи М. И. Ростовцева въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1913, 11 и С. А. Жебелева въ „Гермесъ“ 1913, 15); *Толстой и Кондаковъ* — О. с.; *А. С. Лаппо-Данилевскій* Скиѣскія древности, 1888 г.; *Древности Геродотовой Скиѣи*, I—II, Изд. Импер. Арх. Ком.; *С. М. Середонинъ* — Историческая географія. 1916; *Любавскій* — О. с.; *Багалъй* — О. с.; *И. Е. Забѣлинъ* — Исторія русской жизни, т. I (2-е изд.); *Брунъ*

— Черноморье; *гр. А. А. Бобринскій* — Курганы и случайныя находки близъ м. Смѣлы. 1894 г.; *Д. И. Багалъй* — Раскопки кургановъ въ Валк. и Богод. уѣздахъ Харьк. губ. (Труды XIII Археол. съѣзда); *Е. Н. Мельникъ* — Раскопки кургановъ въ Харьк. губ. (Труды XII Археол. съѣзда); *А. С. Лаппо-Данилевскій* и *В. К. Мальмбергъ* — Курганъ Карагадеуашхъ (Матеріалы по археологiи Россiи, 13); *Н. И. Веселовскій* — Чмыревъ курганъ („Гермесъ“, 1910, 11—12); *Б. В. Фармаковскій* — Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильницахъ (Сборникъ въ честь *гр. Бобринскаго*); *его же* — Новѣйшая датировка Карагадеуашхскаго кургана (Изв. Тавр. Учен. Архивн. Ком., 50, 1913 г.); *его же* — Акановая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова. (Сборн. въ честь Бузескула); *его же* — Архаическiй періодъ въ Россiи (Матер. по археологiи Россiи, в. 34); *Е. М. Придикиъ* — Два серебряныхъ ритона изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа (Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Древн., XXX, 1912 г.); *М. И. Ростовцевъ* — Представленіе о монархической власти въ Скиѣи и на Боспорѣ (Изв. Импер. Археол. Ком., 49, 1913); *его же* — Курганъ Солоха („Ежемѣсячный Журналъ“, 1914 г.); *его же* — Изъ прошлаго Греціи и Рима, 1915 г.; *его же* — Воронежскiй серебряный сосудъ (Матер. по археол. Россiи, в. 34); *С. А. Половцова* — Курганъ Солоха близъ с. Б. Знаменки, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ. („Гермесъ“, 1914, 6—8 и „Revue archéologique“, 1914. 1); *гр. А. А. Бобринскій* — Вновь открытая могила скийскаго царя (Изв. Импер. Археол. Ком., 50); *Н. И. Веселовскій* — Серебро скийскаго царя изъ кургана Солохи (Старые Годы, 1914); *Н. А. Щербаковъ* — Скифы. 1918.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
I. Введеніе. Археологическія открытія на югѣ Россіи и ихъ культурно-историческое значеніе	5
II. Трипольская культура. Раскопки В. В. Хвойки и другихъ археологовъ. Площадки и землянки. Отличительныя особенности культуры. Вопросъ объ ея носителяхъ и происхожденіи	8
III. Греческая колонизація Черноморья. Главныя колоніи и ихъ историческія судьбы	16
IV. Ольвія. Историческій очеркъ. Свидѣтельство Діона. Хрисостома. Археологическія раскопки въ Ольвіи . . .	19
V. Херсонесъ Таврический. Историческій очеркъ. Музей древностей. Археологическія раскопки въ Херсонесѣ.	23
VI. Пантикапей. Боспорское царство, его своеобразныя черты. Курганы. Скифы и греки	29
VII. Жизнь грековъ-колонистовъ по археологическимъ дан-нымъ. Дѣтскія игрушки. Присяга гражданина. Надгробныя надписи. Заключение	36
Указатель литературы	43